

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Интервью с главным режиссером Московского театра
«Современника», народным артистом РСФСР, лауреатом
Государственной премии СССР О. Н. ЕФРЕМОВЫМ

— Д ЕТИ всегда в чем-то похожи на родителей, а в чем-то не схожи с ними. Четырнадцать лет назад от МХАТа «отпочковался» театр, который его создатели назвали «Современником». Что унаследовал он от своего «родителя», в чем самостоятельность, непохожесть «Современника» на МХАТ!

— Четырнадцать лет назад мы были совсем молоды, ну, и — как всех молодых — нас обуяла жажда самоутверждения. Мы стремились к самостоятельности, мы хотели сказать свое слово в искусстве, — вот почему мы покинули стены МХАТа. Дети, вырастая, начинают строже судить своих родителей. Они не перестают любить их, вовсе нет, но любовь их приобретает требовательный, критический оттенок.

Я вот сказал — «мы покинули стены МХАТа». Можно сказать иначе: «мы вышли из стен МХАТа». Пожалуй, так будет точнее: ведь все мы, «старички», с которых начинался «Современник», были воспитанниками школы-студии МХАТа, все мы вобрали, впитали в себя лучшие традиции этого театра и — вполне понятно — наши эстетические и этические идеалы были продолжением идеалов МХАТа. Но мы выросли — и нам стало тесно в родном гнезде. С детьми ведь такое часто случается...

Нам было трудно. Репетировали ночами. Однажды комеданта объявили, что больше не будет пускать нас ночами в театр. Мы остались без помещения. Тогда-то Охлопков предложил нам сцену. Это было заманчивое предложение: мы ведь так рвались работать. Но мы отказались. Отказались потому, что сочли невозможным, неприемлемым для себя пойти к мастеру, чье творческое кредо не совпадало с нашим. Как видите, мы сумели не стать неблагодарными детьми.

Что же касается нашей, как вы говорите, самостоятельности, непохожести на МХАТ, то об этом, наверное, лучше судить зрителям.

— Было время, когда «владельцем дум» московской молодежи был Малый театр. Позже его место занял МХАТ. Сейчас беру на себя смелость утверждать, у московской на-

большей популярностью пользуются два театра — ваш, Олег Николаевич, и Юрия Любимова. И хотя слава куплена театральным — без всякого преувеличения — трудом, слава есть слава: она всегда приятна. Но это — сегодня. А что будет с театром завтра! Как — и вы, Олег Николаевич, лично, и весь коллектив театра — готовите, если можно так сказать, этот завтрашний день!

— Вы знаете, мы решили — вся труппа решила — не принимать больше актеров «со стороны». Но без молодого пополнения нам, естественно, не обойтись. Пока что мы разрешили этот вопрос так: на протяжении пяти лет актеры нашего театра — Волчек, Табаков, Сергачев, Толмачев и другие, в том числе и я, — преподавали актерское мастерство у студентов одного из выпусков МХАТовской школы-студии. Сейчас эти студийцы — дипломированные актеры, полноправные члены нашей труппы, и в то же время — участники студии при «Современнике». Мы дали нашим молодым товарищам известную автономию, — пожалуйста, пробуйте, экспериментируйте, держайте, делайте на общественных, как принято говорить, началах свои спектакли... Мы не забыли своей творческой молодости и понимаем, что нынешним молодым очень нужна, просто необходима такая свобода. А труппа наша будет отныне пополняться только через студию.

— Расскажите, пожалуйста, о первом спектакле «Современника».

— Это были «Вечно живые» Виктора Розова. Нас очень хорошо приняли — надо ли говорить, как всех нас тогда окрылил успех! Это было признание...

Сейчас, к 25-летию Победы, мы возобновили этот спектакль. И почти в том же составе, что на самой первой нашей премьере. Только я уже играю не Бориса, как прежде, а Бороздина — годы, знаете ли...

Зрители спектакля понравились, и мы решили включить его

в репертуар предстоящих зарубежных гастролей.

— Олег Николаевич, раз уж разговор зашел о «Вечно живых» — как вы оцениваете фильм «Летят журавли»!

— Много лет назад я снимался тут у вас, в Казахстане, в «Первом эшелоне». Подружился во время съемок с Калатозовым и стал агитировать его сделать фильм по пьесе Розова. Калатозова заинтересовал этот материал. Честно говоря, я тогда лелеял надежду сыграть в фильме Марна. Но обстоятельства сложились иначе.

А фильм Калатозова, бесспорно, — талантливая работа. — Выразительные средства искусства постоянно меняются: каждая эпоха имеет свою эстетику. Доведись нам сегодня увидеть на сцене, например, Ермолову — не показалось бы нам ее искусство напыщенным, неорганичным, слишком декламационным!

— Думаю, все же нет...

Мне довелось увидеть на сцене Юрьева — старейшего русского и советского актера, современника Ермоловой. Я, конечно, понимал, что сейчас так никто не играет, но то, что передо мной очень большой актер — я чувствовал. Мне кажется, что не только меня, профессионала, захватила бы сегодня игра Ермоловой, Комиссаржевской и других мастеров прошлого русской драмы, но и рядового зрителя. — Правда, достаточно подготовленного, — она не оставила бы равнодушным.

Да, выразительные средства драмы сейчас иные, чем, скажем, в конце прошлого века. Но истинное искусство можно распознать в любом облике.

— Есть театры, в труппе которых немало талантливых актеров, но коллектив — в целом — все же не назовешь талантливым. О «Современнике» давно уже говорят и пишут, как о талантливом коллективе. Видно, главное тут отнюдь не в количественной стороне дела.

— Если говорить о главном, то главное, на мой взгляд, — это когда актер проходит через студийное начало со всеми его

положительными сторонами: самостоятельностью, а отсюда и ответственностью, святым — не побоюсь этого слова — отношением к искусству... И если можно говорить о нас, не как о механическом соединении более или менее ярких дарований и актерских индивидуальностей, а как о коллективе, то в этом я вижу, в первую очередь, заслугу студии, через которую мы прошли и дух которой стараемся сохранить. Конкретно это проявляется во многих вещах. Ну, вот, например, пьесы к постановке у нас прикидывает не режиссер, не совет — вся труппа. Труппа же решает вопросы приема и увольнения актеров, и так далее.

— У некоторой части молодых актеров сложилось твердое мнение: главное — это «аксира божья» и хороший тренинг, хорошая школа. Вопросам же такого порядка, как гражданская зрелость актера, широта его кругозора, зачастую, придается третьестепенное значение.

— Я понимаю, о чем вы хотите сказать. Так вот, для меня очень важно, что за человек тот, с кем я работаю. Очень важно. С ограниченным или инфантильным, будь он трижды талантлив, я просто не могу работать. Всегда считал и считаю, что нужно выбивать из актера обывателя, будоражить его, не давая законстаться в мирке узкопрофессиональных интересов... Кстати, я убежден, что невозможно достичь творческой зрелости не будучи граждански зрелым человеком.

— И в заключение, Олег Николаевич, ближайшие планы «Современника», о которых вы считаете возможным сегодня рассказать?

— Осенью предстоит гастроли в Болгарии и Румынии.

В новом сезоне начнем репетировать очень интересную пьесу Александра Володина, которого наряду с Виктором Розовым мы считаем «своими драматургами». Пьеса называется «Душечка Тобесская». Как вы догадываетесь по названию, действие ее происходит в средневековой сервантесовской Испании.

Ну, а об остальных наших планах говорить пока преждевременно.

Интервью вел
И. ИОБЕЛИ.

17 6 НОЯ 1970

ПЕРИОДИКАЛ СМЕНА

Алма-Ате